

Музыкальная культура РУССКОГО СЕВЕРА в научном наследии Б. Б. Ефименковой

К 80-летию со дня рождения ученого

К 1447114

МОСКВА·МУЗЫКА
2012

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ Б. Б. ЕФИМЕНКОВОЙ

Местные особенности причети междуречья Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги в связи с историей края

Наша первая экспедиция в восточную часть Вологодской области была непродолжительной: в мае 1967 года мы направились на разведку в Никольский район (бассейн Юга) на пароходе «Александр Клубов», который шел из Вологды вниз по Сухоне на восток — путем первых славянских поселенцев. Однако из-за лесосплава и рано начавшегося обмеления рек удалось достичь только пристани Нюксеница, поэтому первым местом работы стал Нюксенский район.

Деревня Нюксеница оказалась большой и пестрой по населению. Лежала она на пересечении двух путей: водного (с запада на восток) и шоссейного (с севера на юг). Шоссе упиралось прямо в пристань, и паром безостановочно двигался от одного берега к другому, а на каждой стороне его нетерпеливо ожидал ряд машин. Они шли почти непрерывно на север к Тарноге и на юг в правобережную часть района.

Жители райцентра большей частью были заняты на обслуживании этого важного перекрестка дорог. Пристань, машинный парк, склад горючего, почта, телеграф притягивали массу рабочей силы и, в конечном счете, определили состав населения. Коренных жителей осталось немного, мы все время сталкивались с переселенцами из других мест — из Тарногского района, из Верховажья. Поэтому с первых же шагов мы получили (правда, еще очень смутное) представление о различии местных традиций в культуре причети, о разных типах свадебной игры. Нужно было отъехать в глубь района, чтобы записать *местную* свадьбу, *местный* похоронный обряд, *местные* плачи.

Статья написана в 1968 году после двух первых фольклорных экспедиций Б. Ефименковой на Вологодчину летом 1967 года, куда она отправилась, будучи аспиранткой ГМПИ им. Гнесиных, в поисках причитаний. Публикуется впервые.

По совету старожилов мы посетили деревеньки Городищенского сельсовета, лежавшие на правом берегу Сухоны, — и прежде всего саму Городищну, расположенную в двадцати пяти километрах от берега. Она была центром небольшого куста поселений.

В одном из них — Юшково — сразу удалось собрать небольшой ансамбль пожилых женщин, спевших очень слаженно несколько хоровых свадебных причитаний девушек, а также плач невесты одновременно с групповым причитанием. О свадьбе рассказывали охотно, даже с удовольствием, показывали, как должны появляться в избе поезжане, как должна держать себя невеста: когда плакать, когда молчать или кланяться — свадебный чин оказался развитым и сложным. Нам продемонстрировали братыню — медную чашу, в которой подносились пиво гостям, прялку и старинный деревянный ткацкий станок, на котором готовилось приданое (многочисленные полотенца, сукно для рубах, платков — ведь надо было одарить всю женихову родню). «Бывало, одних полотенец штук тридцать готовили к свадьбе, и то не хватало», — вспоминали женщины.

Плачи по умершим петь долго отказывались. «Давайте мы лучше еще свадебный причот споём или песню», — слышали мы в ответ. Наконец после настойчивых уговоров согласилась попричитать по покойнику семидесятилетняя Евдокия Ивановна Рупасова. В избе стало тихо, все ждали молча. Она начала:

Ой, тошнёхонько, ты моя да мила лада!
 Ой, тошнёхонько, я ведь шла да приметила
 Ой, тошнёхонько, я свою да милу ладу
 Ой, тошнёхонько, по буйной по головушке,
 Ой, тошнёхонько, по лёгкой по походушке!
 Ой, тошнёхонько, не могла я увидети,
 Ой, тошнёхонько, не могла уприметити!
 Ой, тошнёхонько, только я да увидела
 Ой, тошнёхонько, я крутую могилушку,
 Ой, тошнёхонько, я жёлтыё песочики!..

Всхлипнула одна, другая женщина — и скоро плакали все, кто был в избе. Не удержалась и плачая, махнула рукой сквозь слезы: «Будёт. Не могу дальше, потом больная буду лежать».

Так впервые услышали мы местный плач по умершему. Позже записывали их множество, и среди них были и более развернутые по тексту, и более яркие по исполнению, но атмосфера пристального внимания, общего сопреживания запомнилась надолго.

На следующий день в Городищне мы записали свадебные причитания от двух женщин — Александры Прохоровны Кармановской (65 лет) и Анны Федотовны Плюшниной (76 лет). Исполнительницы состояли в каком-то родстве, и Анна Федотовна, сама из деревни Слободка Городищенского сельсовета, приехала погостить в Городищну на несколько дней. Она оказалась замечательной певицей и вместе с Кармановской вновь пропела почти всю свадьбу, причем в политональных свадебных причетных ансамблях одна женщина пела «за девок», а другая играла роль невесты.

Значительно труднее было упросить наших новых знакомых проголосить по умершим и уходящим в армию. Анна Федотовна потеряла в войну мужа и двух сыновей, поэтому так тяжело было ворошить это прошлое, которое оживало вновь со словами старинного причета:

Охти, мнёшеньки, моё сердешноё дитятко!
 Охти, мнёшеньки, ты куда наряжаешься?
 Охти, мнёшеньки, ты куда собираешься?
 Охти, мнёшеньки, ты на службу на царскую,
 Охти, мнёшеньки, на войну государскую,
 Охти, мнёшеньки, ты под пушки громучиё,
 Охти, мнёшеньки, ты под танки шипучиё,
 Охти, мнёшеньки, за горы за высокиё,
 Охти, мнёшеньки, за моря за глубокиё!

Анна Федотовна не допела этот плач до конца, ее слезы и волнение побудили нас отказаться от дальнейших уговоров. Бедная женщина чувствовала себя виноватой и вознаградила нас исполнением глубоко поэтичного свадебного причета о провожании красоты — ленты из косы невесты, символа девичьей жизни.

Летом 1968 года мы вновь заехали в Городищну, навестили и Анну Федотовну уже в ее родной деревне. Она сильно ослабела за год, причитать не могла, но в благодарность за внимание, за присланные фотографии, из последних сил спела нам две хороводные песни и отрывок свадебного плача. И уже другие женщины показали нам весь цикл плачей о красоте в игровом воплощении: с выходом из избы, с хлестаньем невесты, с ее отчаянным воплем на фоне хорового причитания девушек.

Вернувшись в Нюксеницу, мы решили достичь района, лежащего севернее, — немного загадочную Кокшеньгу¹. Житель Тарногского Городка — местный учитель и краевед-любитель Андрей Андреевич Угрюмов — посоветовал съездить прежде всего в деревню Речка Озерковского сельсовета, а

¹ Так называют бассейн Кокшеньги (Тарногский район).

затем в Зaborье. Он показал нам толстую тетрадь с записями текстов песен, частушек, плачей, сделанных его учениками в этих местах.

В деревню Речка приехали днем, фамилии певиц были известны — и уже через полчаса мы сидели в нарядной горнице, а хозяйка Мария Александровна Гамилова хлопотала у печи, предварительно послав кого-то из подростков за женщинами, знавшими толк в старинных обычаях.

Вскоре стали собираться певицы. Оказалось, что в клубе недавно была инсценирована старинная свадьба. У всех еще живы были воспоминания об успехе, аплодисментах, о том, что все записывалось «на такую же машинку» (магнитофон) и было увезено в Вологду и что даже в газете появилась заметка об их концерте, об исполнителях. Нам показали эту статью, бережно вырезанную и хранимую².

Свадебная игра в Кокшеньге необычайно богата причетами. Каждое движение, каждый жест невесты, ее родных, поезжан, девушек отражены в текстах плачей, строго приуроченных к определенным моментам действия. Нам пели в течение полудня — и это оказалось лишь небольшой частью того, что звучит на «нидиле» (в период от запоручивания до венца: 10–14 дней). Вечером нас увела к себе запевала хора Мария Николаевна Чичерина. Но и хлопота по хозяйству, она продолжала рассказывать и петь, — мы снова взялись за тетради и карандаши и писали, пока окончательно не выдохлись — и сами, и певица.

«Вот как будто и всё самое главное, — сказала, наконец, Мария Николаевна, — а всего-то и записать нельзя! Вон до венца девки каждый вечер шли к невесте причитывать, разве всё перепоёшь!»

Помимо свадебных мы записали в деревне Речка завоенные причитания и плачи по умершим. Здесь их пели охотно, с готовностью, правда, при похоронных гоношениях не могли удержаться от слез.

Зaborье лишь дополнило материал Озерковского сельсовета, хотя напев причитаний по умершим оказался иным. Но одну существенную деталь музыкальной драматургии свадьбы удалось узнать именно в Зaborье (д. Красное): переход на фальцет («уличный голос») в причете при выходе невесты и девушек из избы.

² Как выяснилось, это была практика студентов-филологов после сдачи курса русского фольклора. Магнитофон оказался у них случайно. Мы прослушали запись — она состояла в основном из диалогов участников спектакля, свадебные песни и плачи почти не фиксировались.

Впервые с этой особенностью плача мы столкнулись случайно. Во время записи свадебного причета, ничего не подозревая, мы остановили магнитофон, продолжая записывать текст с пения. И вдруг без всякой паузы, посередине стиха, чуть ли не посередине слова голос исполнительницы взвился вверх, и плач зазвучал по-иному. Мы вскочили: «Как? Почему? Что такое?» — «Да тут она из избы вышла, уж на улице вопит». Впоследствии мы записывали этот переход на уличный напев и в хоровом исполнении. Заехав через год вновь в деревню Речка, прежде всего стали расспрашивать, есть ли и здесь уличный напев свадебного плача. Оказалось, есть, и не спели нам его только потому, что все причеты исполнялись для нас в избе, без сопровождавшего их действия. А уличный голос связан не с текстом плача, а с *местом* его исполнения. Каждая девушка переходит на фальцет тогда, когда переступает порог избы, иногда даже посередине слова: сначала одна, затем вторая, третья — наконец, только невеста продолжает причитывать в прежнем регистре и тональности («толстым голосом»). Причет расцветает яркими и разнообразными красками, и кажется, что его слова:

Уж и покатись, мой зычён голос,
Уж и далеко да по сырой земле,
Уж и высоко да по поднебесы!

— как бы рождают этот звонкий и чистый высокий напев хора, который разносится по всей деревне, особенно с угоров (холмов за околицей), где невеста в окружении девушек кланяется на все четыре стороны, прощаясь с родными местами.

«Вон девки с невестой пошли красоту провожать, — говорят тогда в деревне, — значит, свадьба скоро...»

Маршрут второй экспедиции (в июле 1967 года) проходил по другим районам края: Никольскому (бассейн Юга), Бабушкинскому, Тотемскому (бассейн Сухоны). Мы пересекли восточную часть края уже не с запада на восток, а с юго-востока на северо-запад, от города Никольска до Тотьмы.

Записав плачи и песни в самом Никольске и близлежащей деревеньке Родюкино, мы двинулись на север. Погода стояла отличная, дождей почти не было, и движение по шоссе не прекращалось. На автобусах, попутных машинах, иногда пешком передвигались мы от деревни к деревне: Теребаево, Кузнецово, Калинино, Челпаново, Захарово, Вахнево, Большое Оксилово были первыми остановками на нашем пути. Все они стояли на притоках реки Юг: Шарженге, Кипшенге, которые были иногда гораздо полно-

воднее, чем сам Юг. У Никольска мы переходили его вброд, а в этих речушках, очень живописно вьющихся среди лесов и лугов с травой и цветами по пояс, иногда у берега было по грудь.

В местных причетах нам пели о том, что для девичьей красоты соорудили легкую лодочку, и поплыла красота

Да из Кипшенги-матушки
 Да во Шарженгу-матушку,
 А из Шарженги-матушки
 Да что во Юг-от во батюшко,
 Да что из Юга-то батюшка
 Да что во Сухону-матушку!
 Да поплыла да девья красота
 Да до Великого Устюга...

Если бы Юг был судоходен, то именно таким путем можно было бы добраться до Устюга Великого, но мы продвигались вдоль шоссе.

Здесь — в верхнем и среднем течении Юга — бросалась в глаза сравнительно бедная песенность края. В Никольске и Родюкино записали величальную, шуточную, рекрутскую и лирическую песни, в деревне Большое Оксилово женщины смогли вспомнить только хороводную «Пойдем, Дуня», в деревне Калинино — детскую игровую «Дождик, дождик». Охотнее же всего пели поздние лирические песни и частушки. Последние выполняют функции многих жанров традиционного фольклора: под частушку качают ребенка, пляшут на вечерине, на свадьбе, звучит частушка за праздничным столом и при проводах в армию. Но наряду с частушкой здесь хорошо помнят колыбельные песни, свадебные причитания и плачи по умершим.

В местной свадьбе не звучат песни: в течение трех долгих недель от сватовства до венчания слышатся только плачи невесты и групповые причитания ее подруг, сменяющиеся на свадебном пиру частушками и поздними лирическими песнями.

Причеты по умершим не всюду интонируются музикально: в окрестностях Никольска это обращения к покойному, чередуемые с обычным плачом: «Ой, ты, родимая мамушка! Да зачем ты оставила да сердешного дитятка?» Иногда певица и начинает причитать как будто с напевом, близким свадебному, но почти сразу переходит на ритмизованный говор.

Лишь в сорока километрах севернее Никольска, в деревне Калинино мы услышали гоношения по умершим с отчетливо звучащим напевом. Причищала Федора Дмитриевна Каракчева (1908 года рождения), человек сложной судьбы, очень гордая, горячо верующая, красивая в молодости.

Знала она не только свою деревню: в конце 1920-х годов несколько лет жила в Ленинграде «в няньках», затем уже на родине работала санитаркой в сельской больничке. Осталась девкой-вековушей. Мать, умирая, не благословила ее на брак, сказала: «Не ходи, Федора, замуж, горя намыкаешь, да и младшие дети сиротами остаются. К тому же время такое — в церкви не венчают, грех». Она обещала и слово свое сдержала, хотя сватались многие и люб был один из них. Федора уж было и согласие дала, и в сельсовет вместе съездили, «уписались», да старший брат напомнил обет, данный матери. И она отказалась.

«Мы сидели и долго плакали, — вспоминала она и сейчас с волнением, — наконец я ему сказала: „Ты меня знаешь. Не вышла за тебя, уж ни за кого не пойду, слово даю“. На том и расстались». Впоследствии он женился, живет с семьей в этой же деревне, а для Федоры Дмитриевны ее любовь стала источником многолетней боли, сожалений, в которых она, быть может, не признается даже себе самой. Только постоянная тема ее притчаний — одиночество, тоска по умершим близким:

Прожила-то я, горькая,
Да одна-одинёшенька!
Не с кем думу подумати,
Не с кем словечико молвити!
Поди, думает тятенька
Да родимая маменька,
Что забыла я, горькая,
Да своих милых родителей.
Не забыла я, горькая,
Тятеньку да и маменьку!
Все денёчки и суточки,
Все часы и минуточки
На моём на сердечике!
Да на что вы и создали,
Вы, милые родители,
Да меня, сиротиночку?
Ой, родить бы те, маменька,
Да меня, сиротиночку,
По перва бы денёчику
Растоптать бы на камушке!
Я мала б не запомнила,
Не жила бы, не мучилась,
Не страдала бы, девочка,
Я одна-одинёшенька,
Я одна, сиротиночка!

От Каравчевой мы записали почти всю первую часть свадьбы (до венца), ряд гоношений по умершим, только что приведенный бытовой плач. Характерно, что она отчетливо понимала некоторую условность традиционного причета, его обязательную направленность на слушателя.

«Не пореви да-ко не поплакай, скажут: „Вот, как видно, не жалко!“» — говорила нам Федора Дмитриевна. А после исполнения одного из плачей по умершему, заметила вдруг: „Вот когда положат покойника в гроб, тогда все запричитают, заплачут. Потом из избы пойдут и по всей деревне до площади на платах — на руках — несут его, все плачут. И когда поставят гроб и поедут на машине там или лошади, тоже плачут. Все ревуны, человек восемь, едут, а народ стоит кругом и на угорьях за околицей. А как за речку переедут, там уж не причитают, хватит: *никого там нет, ни народу, никого* — а уже публика вся ведь осталась на угорьях».

Но это ничуть не мешало самой певице и окружающим эмоционально переживать каждый плач, даже исполняемый «нáрочно», для записи. Мы почти не слышали причетов, которые бы не кончались слезами. Если к тому же были и слушатели, — а любопытные всегда набивались в избу, — «нáрочное» исполнение плача неминуемо переходило в настоящее.

Причитала Федора Дмитриевна нам долго и охотно, зимой письма писала в Москву с новыми текстами плачей свадебных, похоронных³, с интересными пояснениями, замечаниями по ходу обрядового действия. Она, несомненно, литературно очень одарена: красиво говорит, легко пишет, легко складывает тексты плачей по нужному поводу — и какие тексты! В гоношениях на могиле матери она рассказывает обо всем: о смерти отца, о преждевременной кончине брата на чужбине, на чью крутую могилушку

Ой, нет дорожки-тропиночки,
 Ой, нет следочка единого,
 Ой, не помята и травушка.
 Ой, не дождётся-то милой брат
 Ой, со родныё сторонушки
 Ой, свою милую ладушку
 Ой, и сердешного дитятка
 Ой, да меня, горе-горькую.
 Ой, да стоит-то могилушка
 Ой, как пустая пустынушка,
 Ой, прилетит только пташечка

³ Плачей по рекрутам здесь не поют. «Неудобно, не по мёртвым ведь», — объясняли нам.

Ой, середи лета тёплого,
 Ой, пропоёт только песенку,
 Ой, пропоёт да и улетит.
 Ой, да стоит да могилушка
 Ой, да печально печальная...

В первый свой приезд мы были у Федоры Дмитриевны только сутки, но она привязалась к нам, как к родным. Утром проводила на реку, а затем спустилась с крутого берега к самой воде вместе с козами (была ее очередь пасти общее стадо). «Вот теперь это место у меня будет с вами связно, как приду — вспомню», — сказала она нам. Сидеть долго, однако, ей было некогда, и она, попрощавшись (днем мы уезжали дальше), исчезла за деревьями. Мы еще некоторое время слышали ее голос: она покрикивала на своих подопечных, что-то им рассказывала, даже пела.

Когда автобус, увозивший нас на север, выехал за окопицу деревни, на опушке леса мы вдруг заметили женщину, которая пристально гляделась в проезжавшие машины. Рядом белели козы. Мы замахали из окна, она энергично ответила, а потом стала вдруг креститься и класть поясные поклоны нам вслед. Такой она и запомнилась: маленькая фигурка на дороге. Долго мы смотрели назад — на удалявшуюся деревню — и молчали.

Чем дальше на север отходили мы от Никольска, тем богаче и разнообразнее становились напевы плачей, да и сами старинные обряды. Наконец шоссе круто повернуло на запад. Покинув бассейн Юга, мы перешли границу нового песенного района.

Это был центр, сердцевина Вологодчины — без железных дорог, с единственной шоссейной трассой, с мелкими, большей частью несудоходными реками. Район труднодоступный и, возможно, поэтому сохранивший и старинные обряды, и старинные песни. Ярко выраженные особенности местного говора, своеобразие речевой интонации позволяли сразу же отличить уроженца, например, Ляменьги от жителя Берёзовца. Так назывались небольшие районы или группы деревень — из пяти-шести поселений, расположенных рядом друг с другом (обычно на вершинах соседних холмов). Свою живописностью они издали напоминали театральные декорации. Никакие новые административные деления не могли разрушить эти издавна сложившиеся сообщества — правления или волости, от названий которых — Подболотье, Ляменьга, Берёзовец — веяло глубокой стариной.

Уже в Никольском районе мы обратили внимание на то, что большая часть жителей деревни носит одну и ту же фамилию. В Калинино жили

Карачевы, в Большом Оксилове — Подольские. «Вы все родственники?» — спрашивали мы с удивлением. «Нет, мы чужие, но так у нас повелось: у всех общая фамилия».

То же наблюдали и в Ляменьге. Здесь еще носили сарафаны с кофтами-разлетайками особого покроя. И не то чтобы донашивали старые, оставшиеся от бабушек и матерей. Нет, нам показывали новые, только что сшитые праздничные и повседневные ансамбли из ситца (сарафан, кофта, передник, платок). Все — одного фасона, строго выдержанного во всем районе, различие допускалось лишь в расцветке материала и лент, нашиваемых по краям в два-три ряда.

Один и тот же покрой одежды, одна и та же фамилия, одни и те же обычаи, один и тот же напев плача — не явления ли это одного корня?

Район оказался богатым песнями необычайно. «Песен мешок, — говорили женщины, — всех никогда не перепишете!» Причтания были так же распространены, как и песни. Мы здесь встретили и свадебные, и *завоенные* плачи, и гоношения по умершим — все они (за исключением, пожалуй, свадебных) и сейчас являются частью быта.

Жители этих мест до сих пор строго соблюдают древний обычай оплакивания покойника. Мы записывали причеты при обряжении, при положении во гроб, при выносе гроба из избы, надмогильные и поминальные плачи. «Почему вы не приехали девятого мая? — слышали мы постоянно. — Тогда вся деревня причитала на кладбище сперва по погибшим в войну, а потом заодно и по всем умершим родным. Вот бы вам где записывать!»

Особую роль среди поминальных плачей играют причеты сорокового дня после смерти, с которым связан довольно развитый обряд: приглашение покойника в дом с последующим его угощением и проводами. Местные жители это обрядовое действие называли «сорокоустом». О нем нам удалось узнать в течение поездки не сразу.

Сами того не подозревая, мы записывали причеты, связанные с сорокоустом, и раньше. Но впервые о существовании развитого обряда мы узнали в деревне Рослятино Бабушкинского района. Рассказал нам о нем заведующий местным клубом Анатолий Александрович Никитин, человек совершенно городского склада и культуры. Незадолго до нашего приезда он сам был участником этого действия и сохранил обо всем, что видел, самые живые воспоминания.

Умер его предшественник, и семья покойного сочла своим долгом пригласить на поминание того человека, который заменил на работе умершего.

Мы потом познакомились с родными прежнего заведующего клубом, но там воспоминания о потере были еще так свежи, что теща умершего, которая и была главной плачевой и распорядительницей поминок, смогла сообщить нам (и то шепотом, чтоб не услышала дочь!) лишь отрывки причетов, сопровождавших долгий обряд.

Вот что нам удалось узнать от нее и Анатолия Александровича, непосредственного свидетеля всего происходившего. Днем на сороковой день после смерти родные умершего идут на кладбище и приглашают покойника посетить вечером свой дом.

Приходи, милый зятюшко,
Ты на малое времечко
Во великий свой праздничок
Во свою-то семеюшку,
Ко своим малым детонькам,
Ко своим ко товарищам.

— так начинала свой причет Аполлинария Никитична Данилова, которая вместе с дочерью — женой умершего — прошла несколько километров до кладбища, чтобы только соблюсти обычай.

При возвращении дочь задержалась на некоторое время на улице, пока мать зашла в избу, хлестнулась на конник⁴ и запричитала:

Ой, дорогая ты моя доченька!
Ой, ходила, разыскивала
Ой, свою милую ладушку!
Ой, она кричала, выкрикивала
Ой, изо всех из сторонушёк!
Ой, нигде не откликнулся,
Ой, нигде не отозвался!
Ой, воротилась она домой
Ой, моя милая доченька
Ой, при великом при горюшке
Ой, да одна-одинёшенька!

При последних словах дочь вошла в избу, поплакала вместе с матерью. Выполнив обряд приглашения покойного, женщины начали деятельно готовиться к приему гостей.

⁴ Хлестнуться — значит броситься с размаху на пол (лавку, стол) на полусогнутые руки и колени. Голова при этом прижимается к рукам. Хлестанье драматизирует исполнение плачей.

Конник — лавка вдоль половиц.

Вечером собрались родные и друзья умершего. Когда все приглашенные были в сбore, Аполлинария Никитична вышла в сени встречать покойника.

«У меня волосы на голове встали дыбом, — вспоминал Анатолий Александрович, — когда она резко распахнула двери в темноту и запричитала:

Заходи на огонь, мой зятюшка,
Во свой дубовый домичок!
Подходи ко дубовому столику
Во великий свой праздничок!

И мне вдруг на минуту поверилось, что она действительно встретила умершего и вот-вот войдет с ним в комнату! — волнуясь даже сейчас, заключил наш рассказчик.

Причitalьщица действительно появилась в избе, как бы ведя под руку покойного зятя. Она разговаривала с ним, указала ему место во главе стола, попросила быть в последний раз хозяином в своем доме и угождать дорогих гостей:

Своих да товарищёв,
Тётушек и дядюшек,
Дорогих суседушек.

Все сели, начался поминальный ужин. У пустого места во главе стола стоял полный прибор: вилка, ложка, тарелка с едой, стакан с пивом, рюмка с вином. Все чокались с умершим, а плачая причитала почти непрерывно, обращаясь к мертвому от лица живых.

Ровно без пяти минут двенадцать все встали — надо было успеть до полуночи выйти из избы. «Чтоб он (покойник) уходил на свое место, — пояснила Аполлинария Никитична, — чтоб ровно в двенадцать ему убрать было место».

У дома она приостановилась и, прощаясь с умершим, сказала: «Вот тебе хлеб и соль, а из дома ничего не тронь». Затем, захлебываясь слезами, махнула рукой по направлению кладбища: «Вот тебе дом, там и жить, а к нам тебе следу нет». Гости и родные прошли еще некоторое время дорогой к кладбищу, как бы провожая умершего, затем повернули и разошлись по домам.

Песен в этот день не поют, только причитают⁵. Правда, в соседней деревне Афаньково нам сказали, что у них на сорокоуст после полуночи поют песню «Тёмной-то ноченькой холодной». В ней рассказывается о том, как молодая красавица в слезах пришла на могилу своего любимого, и на ее призыв встать вдруг из-под земли раздался голос покойного: «Прочь-то ты, прочь

⁵ Нам объяснили, что и причитывают обычно при молодом покойнике, при старом — даже не провожают: «не жалко».

от могилы, а мне теперь не до тебя!» Мы все-таки записали эту песню, хотя она явно позднего происхождения и по своим художественным достоинствам не идет ни в какое сравнение с причетами, ей предшествующими.

С таким развитым и драматизированным действом в поминальном обряде мы столкнулись впервые. Обычно поминки сводились к посещению могилы с ритуальной едой после причета или к обеду в избе в память покойного.

Горько сожалели мы о том, что проехали целый район — Никольский — и, не зная о сорокоусте, упустили возможность там записать это предельно драматизированное традиционное поминание. Поэтому во время повторной экспедиции летом 1968 года с первых же встреч мы начали расспросы об обрядах сорокового дня. Но оказалось, что в Никольском районе традиция несколько иная.

Уроженка деревни Калинино Мария Константиновна Подольская рассказала нам, что накануне сорокового дня ходят на могилу звать покойника в гости — и ходят не с пустыми руками, а с веком⁶, с корзинкой еды, с кутьей. По дороге угошают каждого встречного. На могиле умершего в молодости или в зрелости приглашают причетом, а «старому» покойнику говорят просто так, словесно: «Пойдем в гости».

То же правило соблюдается при встрече и проводах умершего.

Вечером покойнику топят баню, туда приносят полотенце и специально сшитую рубашку (сарафан для женщины). Умершего зовут: «Иди мойся!» Мочат березовый веничек: «Парься!» Потом все белье вешают на жердочку, и оно так и ночует в бане⁷.

«Утром встретят, пьют пиво, вино. Вечером проводят, — продолжала Мария Константиновна. — А провожают у нас так: накладывают на веко хлеба, там булок, пряников, яичко искрошат нáмелко, куты с собой берут, конфеты — всё-всё, и выходят на угор в ту сторону, где похоронен. Тут собираются, гостей потчуют и, если покойник молодой, — причитывают. А еще на сороковой день напекут сорок булочек и разносят их по деревне — в каждый дом по булочке. Это и называется у нас „сорокоуст“».

⁶ Веко — крышка плетеной корзины, на которую обычно кладут хлеб при поднесении хлеба-соли.

⁷ Сходное описание ритуальной бани в канун сорокового дня приводит П. В. Шейн в своем своде «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (СПб., 1898–1900. Т. I. С. 780). Интересно, что это тоже запись вологодского обряда, но сделанная на западе края — в Белозерском районе.

Как видно из рассказа М. К. Подольской, поминальный обряд на сороковой день после смерти в Никольском районе не столь драматизирован и развит, как в соседнем Бабушкинском.

Новобранцев в Бабушкинском районе, в отличие от Никольского, причитывают на похоронный напев.

И невеста вопит на тот же голос, но как нам объясняли, «веселее, не протягивая, скорее. По покойнику тянем долее, жалостнее. Свадьбу — ту причитаем нарочно, без слез. И рекрута причитаем весело, как на свадьбе».

Конечно, веселье это весьма и весьма относительное, и мы не могли уловить его на слух. Очевидно, издавна сложившиеся психологические, эмоциональные ассоциации позволяли местным жителям воспринимать эти недоступные нам оттенки исполнения.

Вообще было заметно, что если свадебные причеты и плачи по умершим традиционны, встречаются повсеместно и знание их обязательно для всех, то *заречные* плачи, плачи по призванным в армию более индивидуальны и, как правило, живут не всюду, а там, где для них подготовлена почва, питающая их.

В деревне Кокшарка (район Ляменьги) мы познакомились с Анной Андреевной Игнатьевой, женщиной еще не старой (1918 года рождения), которая в ответ на нашу просьбу спеть какой-нибудь причет, исполнила не свадебный плач и не плач по умершему, а именно рекрутский плач по сыну:

Ой, уж моё милоё дитятко,
 Ой, уж погляжу-то я, посмотрю
 Ой, я на тебя на соколушка!
 Ой, дак собираешься, дитятко,
 Ой, ты среди ночи тёмныё
 Ой, не по своей-то охотушке,
 Ой, ты по великой неволюшке
 Ой, ты на чужую сторонушку!
 Ой, дак оставляёшь, соколушко,
 Ой, ты моё милоё дитятко,
 Ой, меня одну-одинёшеньку!
 Ой, как подымала-то дитятка
 Ой, я без родимого тятеньки!
 Ой, уж подымала да думала:
 Ой, уж будут хлебушки белыё,
 Ой, уж мне-ко печенька тёплая,
 Ой, уж обогрёва великая!
 Ой, уж сорвалась у голубушки

Ой, уж вся надія⁸ великая,
Ой, уж моя думушка тайная,
Ой, мои словечика верныё!..

Это было не совсем обычным, ибо *завоенные* плачи пелись лишь после специальных расспросов и долгих отнекиваний: «Да не помню, я не провожала» и т. д., и т. п.

Анна Андреевна рассказала о себе кратко, но точно: «Муж? Мужа убили на войне, мы с ним и пожили-то всего несколько лет, не дай Бог вспомнить! Я всё время говорю: и слава Господу, что не вернулся! Ревновал он меня страшно и бил до полусмерти, на всю жизнь память оставил, — она показала на ногу, — я ведь хромаю с тех пор, как однажды он сломал мне бедро. Больница далеко, отлёжалась я там. А тут война, его и забрали, я избавилась. Сын у меня остался, только и радость была. Да вот тоже подрос и в армию ушел, а из армии не захотел сюда приезжать, живет в городе, женился».

Сколько повестей о жизни услышали мы в течение месяца! Почти за каждым плачем стояла чья-то судьба, чья-то горькая доля. И если вдруг в тексте причета нам попадались такие строки:

Эй, как принастили крыльышка,
Эй, и приналадили пёрышка,
Эй, как вы б слетали, горюшечки,
Эй, как на поля на солдатскиё,
Эй, как на германскиё кладбища!
Эй, как вы нашли мою сухоту!
Эй, сядь на правоё крыльышко,
Эй, как расскажи, белая лебедь,
Эй, как про моё про живињицо,
Эй, и про моё красованыцио, —

мы уже с уверенностью в ответе спрашивали: «У вас муж погиб на войне или сын?» И нам отвечали: «Да, муж». «Да, сын».

Записали мы и несколько бытовых плачей: о неудавшейся судьбе, о тяжелых жизненных потерях. Эти причитания тесно связаны с воплями по покойнику и нередко обращены к умершим, обычно к матери. Поэтому без указания певиц мы приняли бы их за поминальные гоношения, по текстам они очень близки.

Из причитаний только свадебные утратили свою современность. Но обычай оплакивания невесты на свадьбе отошел сравнительно недавно. Еще в

⁸ Надія — надежда.

1920-х — начале 1930-х годов свадебная игра исполнялась полностью. Может быть, поэтому все прекрасно помнили старинный свадебный чин, свадебные причитания и с готовностью показывали нам в лицах целые сцены свадебной драмы, музыкальные ансамбли, иногда очень сложные: проводы красоты с хлестаньем невесты, гоношение последней на фоне группового причета, частушек с пляской девушек, встречу в избе невесты жениха с поезжанами и др.

Напевы плачей обнаруживали удивительную устойчивость: мы проезжали деревню за деревней и всюду встречали один и тот же «голос» как для одиночного причитания (похоронного, завоенного, свадебного), так и для группового свадебного.

Бабушкинский район встретил нас сюрпризом: за десятки километров от Сухоны мы услышали уже знакомую по первой экспедиции мелодию свадебного причета девушек, записанную в мае в Нюксенском районе. И здесь этот напев, даже без существенного варьирования, оказался типовым для первой части свадьбы, хотя само действие, его музыкальная драматургия довольно-таки отличались от нюксенской игры.

Вторая экспедиция, значительно расширив район работы, позволила определить стилевые, песенные границы внутри восточной части края. Они были затем уточнены в третьей поездке в августе 1968 года, маршрут которой проходил по уже знакомым местам, главным образом по Никольскому и Нюксенскому районам Вологодской области.

Экспедиции в восточную часть Вологодской области (в междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги) дали довольно отчетливое представление о характере местных причитаний, о различных жанровых разновидностях плачей, особенностях их интонирования, о роли причета в современном быту и о значении этого жанра для изучения музыкального фольклора Вологодской области.

Плачи — и прежде всего плачи по умершим — оказались одним из наиболее цельных остатков древней восточнославянской песенности⁹. В некоторых местах, например в средней и северо-восточной части Никольского района (бассейн реки Юг), причитания являются *единственным* жанром, который сохранил нам образцы песенного искусства прошлых времен с напевами-формулами узкого диапазона, прикрепленными не к текстам, а к

⁹ Не исключено, что в плачах есть угро-финская подпочва, поскольку славяне селились на территории угро-финских племен, а плачи — исконный финский жанр.

определенной бытовой общественной функции, еще связанными с данной территориальной группой населения.

Поскольку освоение края шло по рекам, локализация древнейшего слоя песенной культуры тоже определялась водными путями. Может быть, именно поэтому границы распространения отдельных видов напевов-формул местных причитаний, границы причетных традиций совпали с водоразделами. В пределах обследованной нами территории выделились:

1) средняя часть бассейна реки Юг (Никольский район), где бытуют плачи по умершим и свадебные причитания, а также колыбельные, частушки и поздние лирические песни;

2) междуречье Сухоны и Юга и средняя часть бассейна Сухоны (Нюксенский, частично Бабушкинский районы) — с широким распространением песен и различных жанровых разновидностей плачей (похоронных, свадебных, завоенных);

3) верховья Кокшеньги (Тарногский район) — не менее богатые песнями, причитаниями, но с весьма своеобразным обликом местной музыкальной культуры. Это места новгородской колонизации. «Часть Тотемского уезда, называемая Кокшеньгой, заселена выселенными сюда некогда новгородцами», — утверждают этнографы¹⁰. Обособленности Кокшеньги способствовало и ее географическое положение по ту сторону водораздела, отделяющего бассейн Сухоны от бассейна Ваги, притока Северной Двины. Поэтому Кокшеньга по своим экономическим и культурным связям тяготела не к Москве, а к Новгороду и районам Архангельской области.

¹⁰ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. С. 6.